

DOI: 10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.3/7

Дата поступления: 11.03.2024
рецензирования: 23.04.2024
принятия: 27.05.2024

**Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 4 статьи 170¹
Уголовного кодекса Российской Федерации)**

А. В. Корпусов

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 170¹ УК РФ, являющееся одной из форм криминального искажения учетных реестровых записей. Изучение возможностей уголовного закона по обеспечению достоверности реестра владельцев ценных бумаг, защиты системы депозитарного учета от внесения и подтверждения специальным субъектом неполных или недостоверных сведений определено автором в качестве исследовательской задачи. С опорой на догматический и формально-юридический методы исследования выявлено, что в основе приведенного преступления – примат искажения реестровых записей, который характерен только для внесения недостоверных данных. Подтверждение же таких данных – юридическая фикция, где их компрометация приравнена к фальсификации. Отмечается проблематика многих составообразующих признаков искомого уголовно наказуемого деяния. Установлено, что цели преступной фальсификации достигаются за счет деструкции (заверения при подтверждении) атрибутов упомянутых реестра и системы, влияющих на имущественное положение финансовой организации в денежном измерении и скрывающих тем самым признаки ее банкротства, основания для отзыва (аннулирования) лицензии или назначения временной администрации. С учетом недостатков правовой материи сделан вывод о целесообразности исключения ч. 4 ст. 170¹ из УК РФ, а при несогласии законодателя с означенным подходом предлагается новая редакция отмеченного состава наказуемости.

Ключевые слова: преступное деяние; наказуемость фальсификации реестра владельцев ценных бумаг; искажение учетных записей; компрометация реестровых сведений; внесение и подтверждение фиктивной реестровой информации.

Цитирование. Корпусов А. В. Фальсификация учета прав на ценные бумаги (часть 4 статьи 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета Juridical Journal of Samara University. 2024. Т. 10, № 2. С. 90–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Корпусов А. В., 2024

Андрей Валентинович Корпусов – аспирант, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.03.2024
Revised: 23.04.2024
Accepted: 27.05.2024

**Falsification of accounting of rights to securities (part 4 of Article 170¹
of the Criminal Code of the Russian Federation)**

A. V. Korpusov

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation
E-mail: avkrosrf@mail.ru

Abstract: The article analyses the crime provided for by part 4 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and is one of the forms of criminal distortion of accounting registry records. The relevance of the chosen topic is predetermined by the deficit of scientific research in the field of the above offence. The study of criminal-legal norms ensuring the reliability of the register of securities owners, the depositary accounting system from the introduction and confirmation of incomplete or inaccurate information by a special subject is defined by the author as a research task. Relying on dogmatic and formal-legal methods of research, it is revealed that in the basis of the above offence the primacy of distortion of register records is characteristic only for the entry of inaccurate data; confirmation of such data is a legal fiction, where their compromise is equated to falsification. The problematics of many constitutive features of the sought criminal offence is noted. It is established that the goals of criminal falsification are achieved by destroying (certifying – in case of confirmation) the attributes of the mentioned register and system, affecting the property status of a financial institution in monetary terms and thus hiding the signs of its bankruptcy, grounds for revocation (cancellation) of the license or appointment of temporary administration. Taking into account the shortcomings of the legal matter, it is concluded that it is advisable to exclude part 4 of Article 170¹ from the Criminal Code of the Russian Federation, and if the legislator disagrees with the above approach, a new wording of the above-mentioned punishable offence is also proposed.

Key words: falsification; completeness and reliability; introduction of false information; confirmation of false information; financial organization; concealment of bankruptcy signs; concealment of grounds for revocation (cancellation) of license; concealment of grounds for appointment of temporary administration.

Citation. Korpusov A. V. *Fal'sifikatsiya ucheta prav na tsennyye bumagi (chast' 4 stat'i 170¹ Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii)* [Falsification of accounting of rights to securities (part 4 of Article 170¹ of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* Juridical Journal of Samara University, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 90–97. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-2-90-97> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© Korpusov A. V., 2024

Andrey V. Korpusov – postgraduate student, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Надлежащий и достоверный учет (фиксация) прав на именные ценные бумаги, их ограничений и обременений обеспечивают специализированные организации учетной инфраструктуры рынка ценных бумаг – регистраторы и депозитарии, общественно опасные деяния которых, охватываемые в частности фальсификацией реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета, уголовно наказуемы (ч. 4 ст. 170¹ Уголовного кодекса Российской Федерации; далее – УК РФ). Однако по прошествии свыше пяти лет с того момента, когда в Кодекс был включен упомянутый состав преступления (08.01.2019) [1], в уголовно-правовой литературе последний вплоть до настоящего времени является фактически неизученным, что и предопределило актуальность темы исследования.

1. По смыслу ч. 4 ст. 170¹ УК РФ под угрозой наказания запрещено совершение двух альтернативных деяний: а) внесение в реестр владельцев ценных бумаг (далее – реестр) или в систему депозитарного учета (далее – система) неполных или недостоверных сведений; б) подтверждение достоверности внесенных в реестр или в систему означенных сведений.

Как представляется, с внесением неполных или недостоверных сведений в реестр или в систему особой сложности нет: внешне такое деяние проявляется в занесении, включении виновным в регистры и (или) соответствующие счета регистратора (лицевые счета), депозитария (счета депо) данных, не отличающихся по своему содержанию требуемой полнотой или достоверностью (фальшь, ложь). С подтверждением же достоверности таких сведений вопрос обстоит сложнее.

Дело в том, что «подтвердить» означает засвидетельствовать, удостоверить подлинность, правильность чего-либо [2]. И по букве закона в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ подтверждение достоверности касается именно «внесенных» сведений, т. е. не любых, а отраженных в реестре или в системе. В то же время, казалось бы, подтвердить достоверность того, что не внесено туда, невозможно, ибо нет прежде внесенных сведений, их деструкции, иного вмешательства в подтверждаемый субстрат. Последнее особенно важно, поскольку в уголовно-правовой литературе классическим признается подход, при котором фальсификация понимается как искажение информации [3, с. 248; 4, с. 39]. В этом смысле подтверждение как уголовно нака-

зуемое деяние с трудом вписывается в контуры искажения учетных реестровых сведений.

Между тем мыслим и иной подход, основанный на том, что законодатель при построении искомого состава, используя юридическую фикцию фальсификации в форме подтверждения достоверности фиктивных сведений, далеко не исключал того, что даже в отсутствие искажающей реестровые записи доминанты их достоверность явно нарушается, если виновный, действуя обманом, подтверждает внесение в реестр или в систему того, чего никогда туда не вносилось. И с этой точки зрения, видимо, нет принципиальной разницы, что именно подтвердил виновный: внесенную, но недостоверную или невнесенную (тем более недостоверную) информацию, поскольку такого рода подтверждение в обоих случаях ложное и порождает дезинформацию заинтересованных лиц. Подтверждение в официальном порядке управомоченным на то законом лицом (регистратором или депозитарием) того, чего никогда не было в реестре или системе, компрометирует истинность реестровых сведений. При таких обстоятельствах утверждать о достоверности реестрового учета уже не приходится.

Возможно, законодатель указанием на «внесенные» сведения при их подтверждении исходил из того, что регистратор или депозитарий во всех случаях подтверждает только то, что есть в реестре или в системе, и тогда не внесенные в них сведения при их подтверждении автоматически считаются недостоверными, равно как и достоверно внесенные при их ложном подтверждении. Но этот вариант лишь подчеркивает многоаспектность (неоднозначность) трактовки отмеченного признака. Во всяком случае признак «внесенности» ориентирует главным образом на содержательную основу реестра или системы и как бы исключает из орбиты посягательства деяние по подтверждению сведений, никогда и ни в каком виде туда не вносившихся. Однако даже практически мыслимы две ситуации: 1) в реестре зафиксирован один объем ценных бумаг, а регистратор подтверждает другой; 2) лицо никогда не числилось среди владельцев ценных бумаг у номинального держателя, а депозитарий подтверждает наличие на его счете депо ценных бумаг. Проблемы не будет, если исключить слово «внесенных» из ч. 4 ст. 170¹ УК РФ.

2. В исследуемом преступлении в форме подтверждения достоверности реестровых сведений

нарекание вызывает оборот «от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги». С одной стороны, в приведенной конструкции отсутствует признак субъекта преступления. С другой стороны, было бы странным полагать, что подтвердить отмеченное может кто-либо еще, кроме регистратора или депозитария. Эмитенты в настоящее время самостоятельно учет прав на ценные бумаги не производят и не подтверждают. Законом это возложено на означенные учетные организации (ст. 7 и 8 Федерального закона «О рынке ценных бумаг») [5].

Разумеется, юридические лица в отечественном уголовном праве субъектами преступлений быть не могут (ст. 19 УК РФ). От имени организации всегда выступают конкретные физические лица. Не является исключением и искомое посягательство (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ), где профессиональными качествами виновного в силу бланкетного законодательства определяется его специальный статус: уполномоченный на ведение реестра или системы, подтверждение реестровых записей сотрудник регистратора или депозитария. Никто другой совершить данное деяние не может, в связи с чем оборот «от имени организации, осуществляющей учет прав на ценные бумаги», может быть исключен.

3. В части 4 ст. 170¹ УК РФ, в отличие от внесения неполных или недостоверных реестровых сведений, ложно подтверждаемая полнота последних ненаказуема; в числе подтверждаемого значится только их фиктивная достоверность.

Конечно, не исключается вариант толкования, что, если сведения не обладают требуемой полнотой, значит, говорить о их достоверности уже на этом основании не приходится: таковые по умолчанию не вызывают доверия из-за нецелостности своего содержания, и тогда (не)полнота поглощается (не)достоверностью. Однако с такой версией трактовки трудно согласиться, ибо сомнительно, что достоверность сведений может определяться их полнотой. Это два разных качественных свойства информации, которая, очевидно, может быть, к примеру: а) неполной и недостоверной одновременно; б) недостоверной при всей ее полноте; в) неполной, но достоверной (хотя бы в имеющейся части). Если такая комбинаторика справедлива, возникает проблема: почему внесение неполных или недостоверных учетных сведений уголовно наказуемо, а ответственность за их фиктивное подтверждение ограничена одной лишь недостоверностью.

Неслучайно, видимо, в первой половине искомого состава законодатель разделяет вносимые в реестр или в систему сведения на два вида: неполных и недостоверных, для отождествления которых при подтверждении их достоверности нет никаких оснований. Поэтому полагаем, что ч. 4 ст. 170¹ УК РФ нуждается в коррекции в аспекте подтверждения не только «достоверности», но и «полноты» подтверждаемых сведений. Иначе налицо непоследовательность уголовного закона: в одном случае неполнота сведений (при их внесе-

нии) имеет самостоятельное правовое значение, в другом же такая неполнота сведений (при их подтверждении) либо смешана с недостоверностью, либо нормативно не отражена, что в обоих случаях является недостатком правовой материи.

4. Фальсификация в форме внесения в реестр или в систему, подтверждения достоверности неполных или недостоверных реестровых сведений совершается в отношении не любого зарегистрированного лица (физического или юридического), а только «кредитной или иной финансовой организации».

В то же время кредитной организацией является юридическое лицо, осуществляющее банковские операции на основании лицензии Банка России (ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности») [6]. Финансовая же организация есть хозяйствующий субъект, в т. ч. кредитная организация, оказывающий финансовые услуги, в т. ч. банковские (п. 2 и 6 ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции») [7]. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» при перечислении финансовых организаций среди прочих также упоминает и кредитные организации (ч. 2 ст. 180) [8]. Отсюда не вполне ясно, для чего нужно было отдельно указывать на кредитную организацию, если тут же говорится об «или иной финансовой организации», что означает буквально: в ее число (род) входит и кредитная (вид), притом что все остальные признаки состава в равной мере относятся и к кредитной, и к финансовой организации.

Думается, что упоминание о первой в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ целесообразно исключить. В поддержку сказанного сошлемся на ч. 1 ст. 172¹ УК РФ об ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации, где отсутствует дихотомия с финансовыми организациями и где кредитная стоит во главе их перечня.

5. Конкретного набора фальсифицируемых сведений (атрибутов) реестра или системы законодатель в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ не предусмотрел. Между тем составообразующим признаком, препарирующим потенциальный круг упомянутых сведений (атрибутов), является преступное целеполагание. Именно через целевой признак посягательства решается вопрос о перечне фиктивных реестровых сведений, что с точки зрения юридической техники вряд ли является обоснованным решением, поскольку качественный (объективный) критерий внешнего выражения преступления (сведения *вносятся* или *подтверждаются*) фактически определяется субъективным его признаком – целями фальсификации.

В зачету сказанного вновь сошлемся на ч. 1 ст. 172¹ УК РФ, где такой погрешности не допущено: в тех же целях, что и в исследуемом преступлении, при фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации состав (набор) фиктивных сведений установлен законодатель, хотя бы в общем их контуре – све-

дения о сделках, об обязательствах, имуществе организации, ее финансовом положении и проч.

6. Цели фальсификации – в сокрытии: а) признаков банкротства кредитной или иной финансовой организации; б) оснований для отзыва (аннулирования) у нее лицензии; в) оснований для назначения в такой организации временной администрации (далее также – признаки или основания).

Под сокрытием понимается полное или частичное утаивание информации о фактическом положении финансовой организации (как правило, имущественного характера) [9]. Фальсифицируя реестровые записи, виновный стремится утаить от заинтересованных лиц (в т. ч. лицензирующего органа) наличие у финансовой организации соответствующих признаков или оснований, чего делать не вправе, ибо само их наличие вызвано исключительными для упомянутой организации обстоятельствами, связанными с ухудшением ее имущественного положения и требующими не сокрытия, а скорейшего принятия мер по предупреждению банкротства, санации, сохранности имущества финансовой организации и т. п.

6.1. К определению признаков банкротства кредитной и иной финансовой организации законодательство подходит дифференцированно. Для финансовых организаций (кроме кредитных) в общем случае существует четыре признака, свидетельствующих о неспособности удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам (ч. 1 ст. 183.16 Закона о банкротстве): а) сумма требований в совокупности составляет не менее 100 тыс. руб., и они не исполнены в четырнадцатидневный срок с момента наступления даты их исполнения; б) не исполнены в четырнадцатидневный срок с момента вступления решения суда в законную силу требования о взыскании денежных средств независимо от их суммы; в) стоимость имущества (активов) недостаточна для исполнения денежных обязательств; г) платежеспособность не была восстановлена в бытность работы временной администрации. У кредитной организации признаков банкротства два (ч. 1 ст. 189.8 и ч. 1 ст. 189.64 Закона о банкротстве): а) денежные обязательства не исполнены в четырнадцатидневный срок после наступления даты их исполнения; б) стоимость имущества (активов) недостаточна для исполнения обязательств.

Изложенные признаки банкротства финансовой и кредитной организации можно объединить в две группы, знаменующие: 1) неплатежеспособность – для ситуаций неисполнения денежных обязательств и ее восстановления; 2) недостаточность имущества (стоимости) – остальные. Неплатежеспособность – это прекращение исполнения должником части своих денежных обязательств, вызванное недостатком денежных средств; недостаточность же имущества (стоимости) есть превышение размера денежных обязательств над стоимостью имущества (активов) должника (ст. 2 Закона о банкротстве). Однако

фальсификация способна скрыть далеко не все из обозначенных признаков банкротства. В частности, денежных средств, чтобы можно было поправить имущественное положение финансовой организации или создать видимость такового, искомое преступление должнику не добавит. Поэтому признаки банкротства, характерные для неплатежеспособности, фальсификацией скрыть невозможно.

Напротив, имущественное положение любой организации фиксируется документально. Как и любая документированная информация, сведения о (не)достаточности имущества (активов) финансовой организации подвержены искажению, а значит, в этой части фальсификация реестровых записей способна привести к сокрытию признаков банкротства. Для сокрытия недостаточности имущества (активов) финансовой организацией виновный совершает, к примеру, искажение (подтверждение) реестровых записей, приводящих к завышению номинальной стоимости ценных бумаг, влияющей на их оценку в бухгалтерском учете финансовой организации, объема, вида ценных бумаг, что с последующим отражением такового в учете и отчетности финансовой организации «улучшает» ее имущественное положение, а признаки банкротства тем самым для третьих лиц становятся неведомы. Очевидно, что на стоимость ценных бумаг без завышения их реального объема влияет и наличие обременения, которое, как правило, далеко не повышает, а снижает их стоимость, поэтому противоправные манипуляции в реестре или в системе с обременением ценных бумаг способны отразиться на общей стоимости имущества (активов) финансовой организации.

Таким образом, при сокрытии признаков банкротства фальсификации подвергаются идентифицирующие ценные бумаги, их обременение и т. п. данные, оказывающие влияние на уровень имущественной обеспеченности должника.

6.2. Для назначения временной администрации кредитной организации предусмотрен обширный перечень оснований, подразделение которых на группы знаменует (ч. 1 ст. 189.26 Закона о банкротстве): а) неплатежеспособность; б) несоблюдение обязательных нормативов; в) санацию; г) иное. Думается, что фальсификация тяготеет ко второй группе оснований с имущественной доминантой (п. «б»), куда входят снижение собственного капитала кредитной организации более чем на 30 % по отношению к максимальной его величине за последний год с одномоментным несоблюдением одного из обязательных нормативов; нарушение норматива текущей ликвидности за последний месяц более чем на 20 %.

Находящееся в собственности кредитной организации имущество есть ее собственный капитал с различными уровнями (основной, дополнительный и др.) и элементами (базовый, добавочный и т. п.). Обязательные нормативы есть числовые значения, соблюдение которых обеспечивает кредитной организации финансовую устойчивость

(ст. 24 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»). Текущая же ликвидность – показатель того, сможет ли кредитная организация в краткосрочной перспективе исполнить свои денежные обязательства. Нормативы ликвидности определяются по-разному: через отношение активов (имущества) и пассивов (обязательств) кредитной организации, через отношение ее ликвидных активов (наличных денежных средств, краткосрочных ценных бумаг, иных легкорезализуемых активов) и суммарных активов.

Как и при сокрытии признаков банкротства, для сокрытия оснований назначения временной администрации кредитной организации фальсификация совершается путем искажения (компрометации – при подтверждении) идентифицирующих ценные бумаги реквизитов (атрибутов) реестра или системы, с тем чтобы расчет собственных средств (капитала), норматива текущей ликвидности кредитной организации был в допустимых параметрах, что впоследствии отражается кредитной организацией в соответствующей отчетности и способно создать видимость благополучия, скрыть означенные основания и не допустить назначения указанного внешнего чрезвычайного органа управления.

В другие финансовые организации, кроме кредитных, временная администрация назначается в случаях (ч. 1 ст. 183.5 Закона о банкротстве): а) неплатежеспособности или б) для реализации или контроля плана восстановления платежеспособности. Здесь искомая фальсификация «применима» во втором случае. Так, план восстановления платежеспособности финансовой организации составляется и представляется ею же в Банк России для утверждения и контроля исполнения. Одними из условий утверждения плана являются наличие в нем анализа финансового состояния и перечень предпринимаемых мер по предупреждению банкротства, среди которых могут быть изменение структуры ее активов (имущества) и пассивов (обязательств) и иные не запрещенные законом меры с обязательным приложением документов, подтверждающих реальность исполнения отраженных в плане мер.

Фальсификация реестровых записей, положенных в основу плана восстановления платежеспособности, совершается в расчете на то, чтобы его убедительность не вызвала сомнений и нужды в принудительной реализации или в контроле исполнения со стороны контролирующего органа (Банка России), что и позволяет в этом случае избежать назначения временной администрации.

6.3. Основания для отзыва (аннулирования) лицензии финансовой организации можно разделить в общем случае на добровольные, когда за такой «услугой» обращается сам лицензиат, и принудительные.

Начнем с аннулирования. В условиях отказа от лицензии (п. «а») не приходится вести речь о необходимости сокрытия того, что побуждает добровольно обратиться за аннулированием лицензии.

К примеру, принятие участниками решения о ликвидации кредитной организации служит основанием для аннулирования лицензии на осуществление банковских операций с приложением отчетности и расчета достаточности стоимости имущества для удовлетворения требований кредиторов. Если предположить, что указанные отчетность и расчет будут искажены (с искажением прежде реестровых записей), скрыть факт принятия решения о ликвидации кредитной организации невозможно. Максимальный результат, на который может рассчитывать виновный, это то, что фальсификация реестровых записей (с их последующим отражением в отчетности) сможет укрепить лицензирующий орган в его решении, что стоимости имущества кредитной организации достаточно для полного удовлетворения требований ее кредиторов и дальнейшую ликвидацию следует проводить без процедур банкротства. Но тогда получается, что фальсификация служит цели сокрытия не оснований для аннулирования лицензии, а признаков банкротства. А это уже другое основание уголовной ответственности.

Основания второй группы (п. «б») фальсификация скрыть также не способна. В частности, если финансовая организация (организация торговли, клиринговая организация, негосударственный пенсионный фонд и др.) не осуществляет лицензируемую деятельность, не представляет отчетность, не исполняет обязательные предписания, не осуществляет раскрытие информации, отсутствует по месту нахождения, признана банкротом и т. п., закономерно возникает вопрос: каким образом фальсификация реестров (с последующим отражением фиктивных данных в отчетности и учете финансовой организации) может скрыть означенные основания? Разве фальсификация позволит создать видимость осуществления лицензируемой деятельности, снимет проблему представления отчетности, раскрытия информации, обеспечит присутствие по месту нахождения, нивелирует банкротство? Очевидно, что приведенные основания аннулирования лицензии финансовой организации невозможно скрыть через совершение искажения реестровых сведений, в связи с чем «аннулирование» из целей посягательства в ч. 4 ст. 170¹ УК РФ может быть исключено.

Дифференцированы и основания для отзыва лицензии. На примере кредитных организаций выделяются две их группы – необязательные и неизбежные. Первая включает: установление недостоверности сведений, повлекшие выдачу лицензии; задержку начала осуществления банковских операций более чем на 1 год со дня ее выдачи; установление фактов существенной недостоверности отчетных данных; задержки в предоставлении ежемесячной отчетности (отчетной документации); неисполнение федеральных законов, регулирующих банковскую деятельность, и проч. В этих случаях лицензирующий орган вправе (но не обязан) отозвать лицензию. Между тем обоснованность возможности в рамках фальсификации

утаить данные основания вызывает сомнения, ибо скрыть то, что установлено, выявлено, зафиксировано (неисполнение законов, задержка начала совершения банковских операций, задержка с представлением отчетности), не представляется возможным.

Среди весьма многочисленных оснований второй группы особо отметим те из них, которые предрасположены к сокрытию через фальсификацию: значение всех нормативов достаточности собственных средств (капитала) ниже 2 %; размер собственных средств (капитала) ниже минимального значения уставного капитала на дату государственной регистрации кредитной организации; неисполнение в срок требования Банка России о приведении в соответствие величины уставного капитала и размера собственных средств (капитала). В частности, искажение реестровых сведений влияет на расчет собственных средств (капитала) кредитной организации (это устанавливается по результатам анализа учета и отчетности). При этом минимальный размер собственных средств (капитала) для разных видов кредитных организаций различен: для банков с универсальной лицензией он равен 1 млрд руб., с базовой – 300 млн руб., для небанковских кредитных организаций – не менее 90 млн руб. Эти же значения соответствуют и минимальному размеру уставного капитала означенных организаций, который формируется на момент их создания и может меняться в процессе их деятельности. Фальсификация в данном случае может осуществляться путем завышения «учтенного» в реестре или в системе объема ценных бумаг кредитной организации, внесенных в ее уставный капитал, и отраженного в учете и отчетности данной организации, положительно влияющего на расчет собственных средств и соблюдение нормативов достаточности капитала.

Изложенное, таким образом, свидетельствует, что фальсификация способна скрыть далеко не все основания для отзыва лицензии кредитной организации, а лишь те, что связаны с показателями (значениями) ее имущественного состояния, отражаемыми последней в соответствующей отчетности и учете. Сказанное применимо в полной мере и к отзыву лицензии у некредитных финансовых организаций в ситуации, когда виновный совершает фиктивный учет объема ценных бумаг, например страховой организации, как предмета инвестирования в разрешенные активы и в установленном для этого пределе ее собственных средств и средств ее страховых резервов, несоблюдение которых является неизбежным основанием для отзыва лицензии у страховщика.

7. Рассмотренные цели фальсификации, как представляется, необоснованно сужают контуры применения ч. 4 ст. 170¹ УК РФ, ибо сомнительно, что данное преступление, совершаемое в иных целях или без таковых, менее общественно опасно, нежели преступления, содеянные в означенных в составе целей, или в отношении лишь финансовых организаций. Повышенную общественную опас-

ность представляет утрата реестрами своей достоверности в результате умышленного их искажения (компрометации) независимо от целей деяния, свидетельством чего является также и зарубежный опыт правовой регламентации ответственности в вопросах исследуемого преступления: посягательств с целевым искажением реестровых записей и тем более лишь в отношении финансовых организаций не предусматривается нормами уголовного права подавляющего большинства зарубежных государств [10, с. 566]. Поэтому отмеченная целевая проблематика фальсификации, позволяющая усомниться в обоснованности отражения среди составообразующих признаков преступления (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ) его узкоспецифических целей, может быть решена путем исключения последних.

8. Большой проблемой фальсификации как деяния преступного является то, что в реальности оно едва ли возможно без согласованного отражения ложных реестровых сведений в учете и отчетности финансовой организации – основном источнике информации об имущественном состоянии последней. Говоря иначе, ч. 4 ст. 170¹ УК РФ в отрыве от искажения отчетности и ведения недостоверного учета финансовой организацией, из которых берется информация о ее имущественном положении, в т. ч. для оценки того, способна ли такая организация продолжать осуществление своей деятельности, или нуждается в принятии соответствующих мер воздействия, санации и др., нежизнеспособна, ибо фальсификация лишена смысла, если финансовой организацией ведутся достоверные учет и отчетность. Именно фиктивные реестровые сведения о совершенных операциях с ценными бумагами финансовой организации кладутся в основу ее имущественного положения и принимаются к учету в качестве фактов хозяйственной жизни, активов, обязательств экономического субъекта в денежном измерении. Небезосновательно, видимо, в науке уголовного права составу ч. 4 ст. 170¹ Кодекса приписывается субсидиарный статус, дополняющий применение уголовно-правового запрета фальсификации финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172¹ УК РФ) и представляющий по сути криминальный вид пособничества совершению последнего [11, с. 543–544].

9. Усугубляется сказанное тем, что нормы ч. 4 ст. 170¹ УК РФ находятся в коллизии с иными его составами. Так, действия, объявленные законодателем в 2019 г. преступными (ч. 4 ст. 170¹ УК РФ), ранее в Кодексе по большей части уже были криминализованы: внесение в реестр владельцев ценных бумаг недостоверных сведений специальным субъектом запрещено ч. 3 ст. 185² УК РФ (введена в середине 2010 г., нужно лишь дополнить диспозицию системой депозитарного учета и, быть может, усилить санкцию), а подтверждение достоверности неполных или недостоверных сведений о сделках, об обяза-

тельствах, имуществе финансовой организации (в т. ч. учтенных в реестре или в системе) в целях сокрытия признаков ее банкротства, оснований для отзыва (аннулирования) лицензии, назначения временной администрации запрещено ч. 1 ст. 172¹ УК РФ (введена в середине 2014 г.). Причем в доктрине уголовного права отмечается, что подтверждающим лицом в данном случае может быть только субъект, законом наделенный соответствующими полномочиями, например аудитор [12 с. 9; 13 с. 40]. Полагаем, что таким субъектом является также и регистратор с депозитарием, ибо последние, как отмечалось, подтверждают принадлежность ценных бумаг (имущества, активов и т. п.) конкретному лицу в силу прямого указания закона.

В свете изложенного ч. 4 ст. 170¹ УК РФ целесообразно исключить (с коррекцией ч. 3 ст. 185²). При ином подходе выявленные недостатки во всяком случае подлежат устранению в процессе совершенствования УК РФ (с уточнением ч. 1 ст. 172¹ для устранения коллизии и выравнивания санкции), в связи с чем новая редакция ч. 4 ст. 170¹ Кодекса может быть сформулирована следующим образом:

«4. Внесение в реестр владельцев ценных бумаг либо в систему депозитарного учета заведомо неполных или недостоверных сведений, а равно подтверждение полноты и достоверности таких сведений, заведомо для подтверждающего лица являющихся неполными или недостоверными, – ...».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.12.2018 № 530-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 28.12.2018. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201812280016>.
2. Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, 2012 г. URL: <https://slovar.cc/rus/ojegov/606035.html> (дата обращения: 01.03.2024).
3. Уголовное право. Особенная часть: учебник / редкол.: Л. В. Иногимова-Хегай [и др.]. Москва: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2008. 800 с. URL: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/inogamova_hegaj_lv_rarog_ai_chuchaeva_ai_ugolovnoe_pravo_osobennaja_chast (дата обращения: 01.03.2024).
4. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): в 2 ч. Ч. 2. Москва: Юрлитинформ, 2022. 448 с.
5. Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040905&intelsearch=39-%F4%E7+1996>.
6. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268&ysclid=lxym46mjde866793684>.
7. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256&ysclid=lxym7cyom6307455365>.
8. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=lxymbrs01v204164521>.
9. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4. URL: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vyavleniiu-i-presecheniiu-prestuplenii>.
10. Корпусов А. В. Наказуемость фальсификации государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг, системы депозитарного учета в зарубежном уголовном праве // Демидовский юридический журнал. 2023. Т. 13, № 4. С. 558–566. DOI: <https://doi.org/10.18255/2306-5648-2023-4-558-566>. EDN: <https://elibrary.ru/jijzxt>.
11. Лясколо А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра. юрид. наук. Москва, 2022. 650 с. URL: <https://www.hse.ru/sci/diss/575014761>.
12. Быкова Е. Г. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за фальсификацию финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (на примере кредитной организации) // Уголовное право. 2021. № 12 (136). С. 4–16. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_4. EDN: <https://elibrary.ru/veyaiu>.
13. Лясколо А. Н. Финансовая отчетность как предмет и средство преступления // Уголовное право. 2021. № 4. С. 30–41. URL: https://criminalmag.ru/magazines/4_2021; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46011407>. EDN: <https://elibrary.ru/brieqv>.

References

1. *Federal'nyi zakon ot 27.12.2018 № 530-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of December 27, 2018 № 530-FZ «On Amendments Being Made to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Retrieved from the official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 28.12.2018. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201812280016> [in Russian].
2. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova, 2012 g.* [S. I. Ozhegov's Explanatory Dictionary of the Russian Language, 2012]. Available at: <https://slovar.cc/rus/ojegov/606035.html> [in Russian].

3. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': uchebnik. Redkol.: L. V. Inogamova-Khegai [i dr.]* [Inogamova-Khegai [et al.] (Eds.) Criminal Law. Particular part: textbook]. Moscow: Yuridicheskaya firma «KONTRAKT»: INFRA-M, 2008, 800 p. Available at: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/inogamova_hegai_lv_rarog_ai_chuchaeva_ai_ugolovnoe_pravo_osobennaja_chast/ (accessed 01.03.2024) [in Russian].
4. Lopashenko N. A. *Prestupleniya v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti (glava 22 UK RF): v 2 ch. Ch. 2* [Crimes in the sphere of economic activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): in 2 parts. Part 2]. Moscow: Yurlitinform, 2022, 448 p. [in Russian].
5. *Federal'nyi zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ «O rynke tsennykh bumag»* [Federal Law as of April 22, 1996 № 39-FZ «On the securities market»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 17, Article 1918. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102040905&intelsearch=39-%F4%E7+1996> [in Russian].
6. *Federal'nyi zakon ot 02.12.1990 № 395-1 «O bankakh i bankovskoi deyatel'nosti»* [Federal Law as of December 02, 1990 № 395-1 «On Banks and Banking Activity»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 6, Article 492. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010268&ysclid=lxym46mjde866793684> [in Russian].
7. *Federal'nyi zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ «O zashchite konkurentsii»* [Federal Law as of July 26, 2006 № 135-FZ «On Protection of Competition»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 31 (part 1), Article 3434. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102108256&ysclid=lxym7cyom6307455365> [in Russian].
8. *Federal'nyi zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)»* [Federal Law as of October 26, 2002 № 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2002, no. 43, Article 4190. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102078527&ysclid=lxymbrs01v204164521> [in Russian].
9. *Metodicheskie rekomendatsii po vyyavleniyu i presecheniyu prestuplenii v sfere ekonomiki i protiv poryadka upravleniya, sovershennykh storonami ispolnitel'nogo proizvodstva, utv. FSSP Rossii 15.04.2013 № 04-4* [Methodological recommendations on detection and suppression of crimes in the sphere of economy and against the order of management, committed by the parties of enforcement proceedings, approved by the Federal Service for Supervision of the Russian Federation as of April 15, 2013 № 04-4]. Available at: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-po-vyyavleniyu-i-presecheniyu-prestuplenii> [in Russian].
10. Korpusov A. V. *Nakazuemost' fal'sifikatsii gosudarstvennogo reestra yuridicheskikh lits, reestra vladel'tsev tsennykh bumag, sistemy depozitarnogo ucheta v zarubezhnom ugolovnom prave* [Punishability of falsification of the state register of legal entities, register of security holders, depository registration system in foreign criminal law]. *Demidovskii yuridicheskii zhurnal* [Demidov Law Journal], 2023, vol. 13, no. 4, pp. 558–566. DOI: <https://doi.org/10.18255/2306-5648-2023-4-558-566>. EDN: <https://elibrary.ru/jijzxr> [in Russian].
11. Lyaskalo A. N. *Finansovye prestupleniya v rossiiskom ugolovnom prave: sovremennaya kontseptsiya i problemy kvalifikatsii: dis. ... d-ra. yurid. nauk* [Financial crimes in the Russian Criminal Law: Modern Concept & Qualification Problems: Doctoral of Law's thesis]. Moscow, 2022, 650 p. Available at: <https://www.hse.ru/sci/diss/575014761> [in Russian].
12. Bykova E. G. *Problemy privilecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti za fal'sifikatsiyu finansovykh dokumentov ucheta i otchetnosti finansovoi organizatsii (na primere kreditnoi organizatsii)* [Problems of bringing to criminal responsibility for falsification of financial documents of accounting and reporting of a financial organization (on the example of a credit organization)]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 12 (136), pp. 4–16. DOI: https://doi.org/10.52390/20715870_2021_12_4. EDN: <https://elibrary.ru/veyaiu> [in Russian].
13. Lyaskalo A. N. *Finansovaya otchetnost' kak predmet i sredstvo prestupleniya* [Financial reporting documents as an object and a means of committing a crime]. *Ugolovnoe pravo*, 2021, no. 4, pp. 30–41. Available at: https://criminalmag.ru/magazines/4_2021; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46011407>. EDN: <https://elibrary.ru/brieqv> [in Russian].